

Балащенко Наталья Сергеевна

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИМИНАЛЬНОГО СТАТУСА РЕКРУТА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ОБРЯДОВОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье представлен анализ дискурса "Рекрутский обряд" в подкорпусе "Обрядовая культура Кубани" корпуса диалектной культуры Кубани с привлечением фольклорных материалов, собранных во время проведения этнолингвистических экспедиций. Раскрываются содержание рекрутского обряда, способ репрезентации лиминального статуса рекрута. Приводятся фрагменты фольклорных текстов информантов с сохранением кубанского говора. Исследование проводится с целью уточнения тематической разметки дискурса для размещения его в Электронном корпусе диалектной культуры Кубани.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2016/3/3.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2016. № 3 (105). С. 16-20. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2016/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: a/manac@gramota.net

Список литературы

1. Большая медицинская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 14. 496 с.
2. Лагутина Т. М., Щуко Л. П. Деловое письмо: справочник. Изд. 3-е, перераб. и доп. СПб.: Издательский дом «Герда», 2005. 480 с.
3. Об утверждении Положения о межведомственном электронном (безбумажном) документообороте в органах исполнительной власти Волгоградской области: Постановление Правительства Волгоградской области от 26.02.2013 г. № 78 // Волгоградская правда. 2013. 06 марта.
4. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан: Федеральный закон № 5487-1-ФЗ от 22.06.1993 г. // Российские вести. 1993. 09 сентября.
5. Рогожин М. Ю. Современное деловое письмо: пособие. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ГроссМедиа; РОСБУХ, 2010. 272 с.
6. Сабанов В. И., Багметов Н. П., Мульганова Т. Б. Терминологический словарь-справочник по общественному здоровью, организации, законодательству, экономике и управлению здравоохранением (с английскими эквивалентами и примерами сочетаемости слов) / под ред. академика РАН В. И. Петрова. Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2013. 592 с.
7. Сабанов В. И., Дьяченко Т. С., Иваненко В. В. Организация и управление деятельностью больницы: учебно-методическое пособие. Волгоград: ВолГМУ, 2012. 88 с.
8. Толковый словарь по вычислительным системам / под ред. В. И. Иллингворта и др.; пер. с англ. А. К. Белоцкого и др. под ред. Е. К. Масловского. М.: Машиностроение, 1989. 568 с.
9. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) «Лечебное дело». М., 2010. 49 с.

EXPERIENCE OF COMPILING TERMINOLOGICAL MULTIFUNCTIONAL DICTIONARY
ON HEALTH-CARE ORGANIZATION

Bagmetov Nikolai Petrovich, Ph. D. in Medicine
Mul'ganova Tat'yana Borisovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Volograd State Medical University
bagmetoff.nickolai@yandex.ru

The article covers the results of specialists-physicians and philologists' group work on compiling a terminological reference dictionary on public health and healthcare with English equivalents and examples of word combinability. Such multi-functional dictionary not only for the first time presents a detailed enough (more than 3500 terms and terminological word-combinations) description of concepts in the sphere of health care organization but, according to the authors, promotes raising the communicative competence of a specialist-physician.

Key words and phrases: special vocabulary of health care organization; multi-functional terminological dictionary; term definition; culture-specific vocabulary; English equivalent; lexical combinability.

УДК 392=...282"0/2"(1-22)=(1-82)-053.8

Филологические науки

В статье представлен анализ дискурса «Рекрутский обряд» в подкорпусе «Обрядовая культура Кубани» корпуса диалектной культуры Кубани с привлечением фольклорных материалов, собранных во время проведения этнолингвистических экспедиций. Раскрываются содержание рекрутского обряда, способ репрезентации лиминального статуса рекрута. Приводятся фрагменты фольклорных текстов информантов с сохранением кубанского говора. Исследование проводится с целью уточнения тематической разметки дискурса для размещения его в Электронном корпусе диалектной культуры Кубани.

Ключевые слова и фразы: Электронный корпус диалектной культуры Кубани; дискурс; рекрутский обряд; лиминальный статус; фольклорные материалы.

Балащенко Наталья Сергеевна, к. филол. н., доцент
Кубанский государственный университет (филиал) в г. Славянске-на-Кубани
nataliabalac@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИМИНАЛЬНОГО СТАТУСА РЕКРУТА
В РЕГИОНАЛЬНОЙ ОБРЯДОВОЙ КУЛЬТУРЕ**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и администрации Краснодарского края.
Проект № 14-14-23007 «а (р)», 2014-2015 гг.*

В последние годы происходят пересмотр социальных стереотипов и восстановление национальных традиций. Именно национальные концепции стали занимать центральное место в массовом сознании, стали приоритетными в развитии общества. Появился интерес к национальной самобытности, исследованию национальных аспектов культуры с различных точек зрения. С течением времени историко-культурная информация исчезает или превращается в кардинально новую информацию. Устная традиция не в состоянии точно сохранить

на протяжении долгого времени фольклорные тексты [2, с. 97]. В настоящее время с целью сохранения фольклорных традиций создается Электронный корпус диалектной культуры Кубани [6, с. 66-71].

Объектом исследования является дискурс «Рекрутский обряд» в подкорпусе «Обрядовая культура Кубани». Рекрутский обряд отличается от других обрядов жизненного цикла – родильно-крестинного, свадебного, похоронно-поминального. Данные обряды жизненного цикла являются следствием биологического существования человека (его рождение, старение, смерть). Ритуал проводов в армию – не естественен, он появился в конкретное историческое время и представляет собой реакцию традиционной культуры на ситуацию, задаваемую извне.

Основой исследования послужили материалы, собранные во время проведения этнолингвистических экспедиций студентов факультета филологии филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани с 1997 по 2014 гг. Был проведен анализ фольклорных материалов, собранных, главным образом, на юго-западе Кубани в ряде районов Краснодарского края: Славянском (г. Славянск-на-Кубани, ст-ца Петровская, х. Прикубанский), Красноармейском (ст-ца Ивановская, х. Гришковский), Куцевском (ст-ца Кисляковская), Абинском (ст-ца Холмская), Староминском и др.

Исследование представляет собой анализ материалов этнолингвистических экспедиций и описание фрагментов обрядового сценария. Реалии жизни и исторические события повлияли на традиционно сложившуюся обрядовую культуру казачества. Трансформации подверглись все семейные и календарные обряды, но особенно в этой связи пострадал рекрутский обряд. Происходившие изменения в сроках службы и порядке набора влияли на обрядность, но ритуал проводов в армию на Кубани сохранился. В настоящее время под рекрутским обрядом понимается ритуал проводов на армейскую службу, что дает нам право говорить о синонимичности и взаимозаменяемости этих понятий. Представляется целесообразным применять термин «рекрутский обряд» для обозначения любых проводов на службу.

В подкорпус «Обрядовая культура Кубани» – дискурс «Рекрутский обряд» – вошли тексты о том, как провожали новобранца на службу. Корпус текстов-рассказов о том, *как раньше выпроваживали на службу*, содержит совокупность разных тем, формирующих структуру и лексику дискурса. Сценарий события предполагает конкретных участников и выполнение каждым определенной роли. Каждый информант рассказывал о рекрутском обряде в той последовательности, какова известна в данном этнокультурном сообществе.

Введение всеобщей воинской обязанности сделало службу в армии обязательной для каждого мужчины. В традиционной культуре сложился комплекс представлений о службе в армии, её месте в жизни мужчины и социума, а процесс проводов на службу получил ритуальное наполнение.

Рекрутский обряд в центральной России сложился в начале XVIII века. В связи с этим данный обряд относят к более позднему, чем свадебный или похоронный. На Кубани провода на «службу государеву» существовали с момента переселения казаков. В обязанность черноморскому войску вменялись «бдение и стража пограничная» (Грамота Екатерины II) [3, с. 10]. Каждое куренное селение было закреплено за тем или иным кордоном, постом.

Пограничная охрана требовала преобразований в системе военной службы. Из куреней посылались дополнительные дозорные, называли такую группу конных казаков *«казачий разъезд»*. *«Государева служба»* длилась, в основном, 20 лет, официально начиналась с восемнадцатилетнего возраста. Срок службы равномерно делился на несколько этапов – по 4 года. После принятия присяги первые четыре года молодые казаки готовились к полевой службе в так называемом *«приготовительном разряде»*, *«из семьи не уходили, жылы у своей станыцы и снаряжались за свий щёт, шо було дорого. За цы три года казак должен был приготовица и снарядица для службы»*, т.е. экипироваться.

Следующие 4 года казак нес действительную военную службу в так называемых частях 1-й очереди, которая заключалась в охране рубежей России. Третий этап – служба в частях 2-й очереди (*«на льгоме»*), жил в станице, но его *«кажжый год брали на мисяц у лагеря, на зборы, дале усэ рижже – один раз у год бувал на зборах»*. Дальнейшие 4 года казаки числились в частях 3-й очереди. *«Послидни 4 года вин був у запасу»*, т.е. в запасном отряде.

Исследования в области ритуала основаны на структурно-семиотическом подходе к изучению обряда [1]. Предложено рассматривать любой ритуал как реализацию трехчастной схемы, описывающей смену состояний (в географическом и социальном смысле) героя ритуала: десоциализация (снятие признаков прежнего состояния, выведение из коллектива), лиминальная стадия (пребывание в состоянии «противофазы» социуму), ресоциализация (наделение признаками нового состояния, возвращение в коллектив) [Там же, с. 23].

Во-первых, обряд можно рассматривать как событие одного дня, т.е. провода и его составляющие: благословение, наказ, заговаривание, прощание, вывод со двора. Во-вторых, это – длительный период, который включает несколько этапов и ритуальных действий. Первоначально обряд состоял из двух этапов: подготовка к службе и провода (прощание, застолье). Поздние записи содержат информацию о встрече военнослужащего, что позволяет говорить о третьем этапе – заключительном, т.е. возвращении солдата со службы.

Различные этапы обряда проводов в армию отмечаются особым поведением его участников: призывника по отношению к односельчанам, ровесникам, родным и наоборот: окружающих по отношению к рекруту. Основное содержание рекрутского обряда заключается в ритуале прощания с длительным лиминальным периодом (рекрутские гуляния) и устоявшейся церемонией дня проводов. Можно проследить динамику изменений в поведении призывника от начала его «вхождения» в ритуальную роль до последнего дня перед отправлением на службу [3, с. 163]. Обратим внимание на способ репрезентации лиминального статуса рекрута в *«допризывной период»* – период подготовки к службе, а также время гуляний.

Обратимся к сведениям о первом периоде рекрутского обряда конца XIX в. – начала XX в. Молодой человек готовился к военной службе с детства. С 14-ти лет юноша обучался военному делу, конному строю, джигитовке. Атаманом велись именные списки всех *«малолетков»* с 19-летнего возраста, но не старше 25-ти лет. Одновременно с составлением списков призывников на сходе обсуждались списки тех, кто был неспособен

к воинской повинности, после освидетельствования объявлялся «*приговор*». От службы освобождались единицы, например – единственный сын в семье. Назначался день, когда созывали «*малолетков*» и зачитывали предписание о воинской службе, а наказной атаман приказом по войску зачислял их в «*служилые казаки сроком на 15 лет*». Затем казаки ещё на 7 лет переводились в разряд внутреслужащих, служба которых состояла по месту жительства.

В это время казаков призывали, «*ежели была у том нужда*», по принципу землячества, поэтому среди казачества не было предательства и нарушения воинской дисциплины. Казаки называли себя вольными людьми, но «*служили покуда не помрут*». Реально казаки служили практически всю жизнь, их так и называли: «*служилые люди*».

Началом обряда следует считать изменения в образе жизни и поведении молодого человека, его переименовывают, называют рекрутом, новобранцем, призывником. Средством реализации лиминальности рекрута является его антиповедение, т.е. некоторая вседозволенность. Он начинает *парубковать*. Это – особая манера поведения, которая выражается в речи, мимике, особых движениях тела, четко видится демонстративная вялость, походка становится с широким шагом и сопровождается широким размахом рук. Всё это воспринимается окружающими как проявление враждебности. В рассказах информантов часто встречается глагол «*чудить*»: «*до службы хлопцы богато чудят*», «*дня ни було, шоб ни чудоковалы*». Слово «чудят» (и разные его формы) обозначает в данном контексте рекрутские бесчинства. Формы указанного глагола можно встретить и в других ритуальных ситуациях, например, во время свадьбы, колядок, Масленицы. Так объясняется вольное поведение парубка во время уличных гуляний, ссор, которые часто заканчивались дракой.

Молодые люди во время рекрутских гуляний объединяются в группы и ведут себя обособленно. Ритуальные бесчинства являются основой типичного ролевого поведения призывника и способом его обособления через противопоставление группы рекрутов станице (хутору). Новобранцы преднамеренно нарушают строгие нормы поведения, тем самым показывают выполнение ими особой ритуальной роли. Например, «*хлопцы дюже гуляли*», «*бувало уходылы на усю ничь*», «*девкам проходу не давали*». Окружающие к таким «неправильным» поступкам часто относились равнодушно, односельчане воспринимали бесчинства рекрутов как обыденность: «*Ничо, погуляют, перебесяца, оженяца, прыйдэ врмя, остэпяняца*». Люди старшего поколения, конечно, делали юношам замечания, родители ругали, но взрослые с пониманием объясняли такое поведение: «*Хай порезвяца, у полку тяжко будэ*», «*ничё, послидни денёчки на воле-то*».

Свободное поведение характерно для некоторых календарных обрядов, например, периода святок (переодевания, театрализация, бесчинства и пр.) или для масленичных гуляний. Это считалось нормальным лишь в праздники, в случае рекрутского ритуала – переход границ дозволенного (а в казачьих семьях «*воспитывали в строгости*») был практически ежедневным. Такое поведение объясняется желанием молодого человека, как представителя своей семьи, продемонстрировать высокий социальный статус перед молодежью станицы (хутора).

Обычно представлять себя следовало в лучшем виде, но в ходе рекрутских гуляний молодые люди выступают в роли невестребованных женихов. Родители, чтобы утихомирить своего излишне буйного сына, прибегали к крайней мере – женили парня. «*Ох и неслухьяны у них диты... А батько взяв и оженив хлопца до службы. Вот и гарнэ дило*». В последние десятилетия XIX века на службу «*выпровоажывали у 22 года*», некоторые были «*вже симейны, з дитём*». Или, например, в середине XX века: «*Потом в 51 году забрали в армию, ото я попал в Гирманию. У меня вже сын був на тот. Мы вже жили год. Вже сын на руках був я в армию шов, в писят пэрвом году. Свадьба у нас була в сорок девятом у хфиврале месяце. А в писят пэрвом году в марте месяце мэнэ забрали в армию*».

Лиминальный статус призывника виден в его одежде. Минимализм, использование прически и деталей женского наряда – простой способ обозначения противопоставленности коллективу, «чужести», можно привести пример переодевания как наиболее распространенного способа святочного или свадебного ряжения. В костюме призывника наличие женских деталей расценивается как знак того, что рекрут, на символическом уровне, теряет признаки пола, потому что в том социуме, куда он уходит, эти признаки малосущественны. Во время молодежных гуляний нечеткая гендерная тождественность рекрута воплощается также в противопоставлении статуса рекрута статусу жениха [4, с. 189].

В костюме призывника используются некоторые мелочи, характерные для женского наряда, например, цветок в фуражке, вышитая рубаха, прическа. Молодые люди демонстрировали равнодушие при выборе своего наряда, одевались просто, якобы не предавая значение своей внешности, но на самом деле любили «*трохы прыхорашиваца*». Большое внимание уделяли прическе: «*хлопцы робылы пышний чуб*», «*у их бувал такый здоровый чуб, мы йиво называлы чубэло*». А у кого «*волосы жидкы булы, той завивал соби кучири, шоб торчали с фуражки. А мы казалы ёму: “на шо чуб наплюл”*». Объяснить такое поведение можно тем, что парню скоро «*прийдэтца расповедатца со своєю шевелурой*», и ему хотелось, «*шоб йиво помнили красавцем*».

Чуб был отличительным знаком удалого казака, символом молодости. Доказательством служат фрагменты песен: «*обо прыйдэтсья..., твий чуб розивьэтца*»; «*Нэ розстайся, козаченько, З кучирявым чубом*». «*Таку прыйческу козаки робылы для хфорсу, на выхвалку, шоб любитсья дивчине: козаче, тый уродлывый, молодэнькый..., но чубчик твий круглэсэнкый... Полюбыла гультая, я ж думала кучерявый, а у його чуба нема*». Казаки, особенно молодые, старались отращивать густой кучерявый чуб – признак привлекательности и даже гордости. При подготовке к службе «*таких красавцев пужалы шо пострыгуть, и спивалы об йентом: Не хвастайся, козаченьку, кучерявым чубом, бо прыйдетца, не мынетца з чубом разставатсья, у вийско отпралятьсья*».

Обратим внимание на ситуацию перехода границ: превращение в солдата, острижение волос, измерение, т.е. снятие мерок: роста, объема груди. Объяснение снятия мерок – неоднозначно: «*шоб хформу справить*», «*сравнить яким вэрнитца*», «*ну и так, на усякий случай*». Под «*усяким случаем*» подразумевается (так как

говорить об этом не принято, «шоб ни накликать худого») гибель военнослужащего, а мерки нужны для изготовления «труны», т.е. гроба. Измерение роста, «забривание» волос воспринимаются новобранцем как ситуация окончательного решения его судьбы: «О то и фсэ, побрылы-пострыглы, помирялы – усё, готов». Уход на службу осмысливается в терминах смерти, но смерти «неправильной». Характерные причитания объясняются страхом смерти в чужой стороне, это лишает родных возможности «правильно захватить покойного»: на «своем» кладбище, с соблюдением соответствующего ритуала. Военнослужащий-покойник остается в неопределенном статусе, в лиминальном состоянии.

Переход границ видится в представлении людей «по ту сторону», куда должен идти новобранец: начальники наделаются характеристиками нечистой силы, служба описывается в терминах временной смерти и т.п. В этом обряд проводов в армию похож на ритуал «проводов в последний путь», то есть подобен похоронному обряду. На уровне используемых бытовых предметов и лексики видно сходство с похоронным обрядом, например:

<u>похоронный обряд</u>	<u>рекрутский обряд</u>
новопреставленный	новобранец
проводить в последний путь	проводить в армию
последний путь	длинная дорога
на кого ты нас покинул?	зачем уходишь в чужую сторону?
	прощание
	причитание
	слезы
	плач
	полотенце/рушник
	Библия
	цветы

Второй этап обряда – день проводов. С одной стороны, продолжается ритуал «последнего пути». Это видится в различных способах обозначения границы: символическое перешагивание порога, остригание волос, мать и близкие родственники старшего поколения причитают над призывником, почти как над умершим: «Нашто ты покидаеш нас на цельных три года?», «И шо мы будэм робыть три лета, три зимы?». С другой стороны, выполняются действия, которые должны обеспечить безопасность призывника и его благополучное возвращение: благословение, обвязывание полотенцами. Информанты не касаются каких-либо магических моментов рекрутского обряда. Есть упоминание о том, что иногда рекрута заговаривали от болезней и, особенно, от пуль, огня, ранее – «от гострой сабли».

Непосредственно в день проводов поведение рекрута резко меняется: его агрессия перерождается в пассивность, которая видна в движениях, речи, скорее, – её отсутствии, призывник становится, на удивление, молчалив, медлителен. Например, при одаривании его водят под руки, «бэруть за руки и водять, а у шапку, чи у хфурашку гости, родычи кыдають гроши, ну цэ на дорожку». Или: «Сходьылыся родычи, а их бувало богато, сотня, а то и бильшиэ, уси прыходылы з подарками, бабы, ну и замужени молодыцы пэрэвьязвалы призывника рушниками, ну по-нынешнему – полотэнцамы. Новобранец с фуражкой обходьл усих гостей, кажый йёму шо-нэбудь дарыв, мужыки сыпали гроши, чи хто побогачэ, той бумажени деньгы кыдовал, шо-нэбудь пры этом прыговарывалы, чи шутку яку, чи сурьёзно чаво жылалы. Сами стойки оставалыся до утра. А вжэ утром батько, матырь благословлялы сына на ратну службу и за рушник, чи за платок выводылы из хаты во двирь, и дальше – за ворота, бувало раньше, шо осыпалы пшэныцэю, чи якым другим зэрном, шоб добро служылося».

Значимый аспект проводов – благословение. Благословляют родители, ближайшие родственники и священнослужитель. Этот момент является началом дальнейшего основного ритуального действия проводов в армию, а именно – прощания. Призывник должен проститься со всеми, кто его знает. Прощание имеет форму обмена, как словесного, так и предметного. В качестве предмета выступало полотенце: «Був такый обычай, называвса “пиривязка”». «У всех буллы диты, всех провожалы. Всех обвязувалы полотэнцамы». Обычай заключался в том, что родственники и взрослые гости перевязывали призывника полотенцами. Первым обычно перевязывал крестный. «Ну, вопцэ-то положэно, шоп крэсний пэрэвязав». Полотенце олицетворяло счастливую дорогу и удачу: «В основном, я щитаю, шо это дорога. Удача. Дорога. Щаслива дорога. Так шо ото вязалы всьмы тымя полотэнцамы».

Проводы в армию длились с вечера до раннего утра, после чего призывника провожали в военкомат: «Тоди усю ничь гуляють, до военкомата, пока в военкомат висты. Опять уси гуртом». Реализация лиминальности продолжается во время перехода границ: вывод представителя социума за его пределы (семьи, дома, станицы). Отец и мать выводили новобранца из дома: «вин пиришагывал чирис пьриг», затем выводили за калитку (как на свадьбе молодых) – за платок, а если родителей не было, то крестные: «За платок выводят. Опять-таки як дорога. Своимы рукамы выведэ за калитку, шоп вэрнувся, шоп усэ нормально було, шоп усэ благополушно, служыв. – Кто выводэ? Мама или отец? – Обое. Если есть обое, а если нымае в ёго одного козо-нибуть, тоди ш крэсний. Тоди крэсний бэрэ на sibя обяанность». Или: «Ну як провэлы у военкомат, а там на машину и на тот... на вокзал и до свиданья. Бувало тода и шо на пороходе».

В обряде проводов в армию возникает атмосфера напряжения, которая может быть разрешена либо возвращением солдата, либо известием о его смерти. Заканчивались проводы возвращением гостей в дом родителей новобранца, это было залогом его благополучного возвращения: «апося, як хлопца вжэ зобралы, фси врталыся у дом к батьку-матыри и продовжалася гулянка, польвалы йиму дорожку».

В структуре рекрутского обряда раннего периода отсутствует заключительная часть – возвращение, встреча солдата со службы. Это объясняется тем, что служили казаки всю жизнь. Уход на сборы и возвращение домой были обычным делом: «*Выпровоажывали домашниш, батько, маты, жынка ну и усё*». Возвращение как отдельный этап рекрутского обряда упоминается в рассказах информантов второй половины XX века. Существенным является вывод новобранца из общества с обязательным обозначением периода его отсутствия: «*Тоди ш провожалы на тры года. Служыты*».

Таким образом, рекрутскому обряду свойственна лиминальность. Средствами реализации лиминальности являются поведение рекрута до призыва на службу и непосредственно день проводов: рекрутские гуляния, антиповедение рекрута, вседозволенность, наличие женских деталей в костюме призывника, прическа, чуб, ритуал «проводов в последний путь», благословение, прощание, вывод из дома, «временная смерть» и т.п.

Список литературы

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб.: Наука, 1993. 223 с.
2. Балащенко Н. С. Каравайный обряд – основа подготовительного этапа свадьбы на Кубани (по материалам фольклорной экспедиции). Славянск-на-Кубани: Издательский центр Филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2013. 188 с.
3. Бондарь Н. И. Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар: Изд-во Краснодарского экспериментального центра развития образования, 1997. 304 с.
4. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани: коллективная монография / отв. ред. К. В. Чистов. М.: Наука, 1967. 356 с.
5. Трегубова Е. Н. Материалы этнолингвистического словаря: свадебный обряд Кубани. Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2007. 214 с.
6. Трегубова Е. Н., Емельянова М. В. Региональный лингвокультурологический корпус как электронный ресурс изучения народной аксиологии // Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium: сб. науч. трудов по лексикографии. Харьков: Підручник НТУ «ХП», 2011. Вып. 12 / под ред. В. В. Дубичинского, Т. Ройтера. С. 66-71.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Прогресс, 1986-1987. Т. 3. 326 с.
8. Чистов К. В. Семейные обряды и обрядовый фольклор // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М.: Наука, 1987. 556 с.

PECULIARITIES OF REPRESENTATION OF THE RECRUIT'S LIMINAL STATUS IN REGIONAL CEREMONIAL CULTURE

Balatsenko Natal'ya Sergeevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kuban State University (Branch) in Slavyansk-on-Kuban
nataliabalac@mail.ru

In the article the analysis of the discourse “Recruiting Ceremony” of the sub-corpus “Ceremonial Culture of Kuban” of the corpus of the dialect culture of Kuban is presented with the use of folklore materials collected during ethno-linguistic expeditions. The content of the recruiting ceremony and the way of the representation of the recruit’s liminal status are revealed. The fragments of the folklore texts of the informants with the preservation of the Kuban patois are given. The research is conducted in order to specify the thematic discourse marking to place it in the electronic corpus of Kuban dialect culture.

Key words and phrases: electronic corpus of Kuban dialect culture; discourse; recruiting ceremony; liminal status; folklore materials.

УДК 94(37).08

Исторические науки и археология

В эпоху поздней Империи в структуре командования легионом произошли существенные изменения по сравнению с периодом принципата. Командиром легиона был теперь трибун; за обучение личного состава отвечали кампидокторы. Вместе с тем в легионах продолжали сохраняться и прежние звания, такие как, например, звание центуриона. В подразделениях нового типа, появившихся в конце III в. – начале IV в., иерархия воинских званий была иной. В них существовали звания дуценария, центенария, цирцитора и др.

Ключевые слова и фразы: Римская армия; легионы; трибун; препозит; центурион; дуценарий; центенарий; декан.

Банников Андрей Валерьевич, к.и.н., доцент
Щёголев Сергей Игоревич, к.и.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
elephantomasha@mail.ru; s.schegolev@spbu.ru

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ КОМАНДНОГО СОСТАВА ЛЕГИОНОВ В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

Единственным источником, имеющимся в нашем распоряжении, который дает подробный перечень офицерских и унтер-офицерских званий и должностей, предположительно существовавших в легионе в начале V в., служит «Эпитома» Вегеция. Приведенная в ней иерархия воинских званий тем более для нас ценна, что сделана она, если верить тому, что утверждает автор трактата, «согласно существующим спискам» [2, с. 191]. Вегеций различает два класса военнослужащих: к первому – *принципалам* – относятся те, кто пользуется привилегиями